

На ту часть раба, на какую, если бы он был собственным (рабом отпущившего), он стал бы римским гражданином, возрастает доля компаньона (во владении этим рабом). 2. Немой и глухой не может освободить раба вивдиктой. Но освобождать (раба) письменно или в присутствии друзей ему не возбраняется. 3. (Раб), подвергнутый президом пытке и не признавший за собой никакой вины, может достигнуть законной свободы. 4. Свобода, данная по фидеикомиссу, не уничтожается действиями наследника, если он закует раба, освободить которого получил приказание. 5. Если один из совладельцев закует раба, то это не вредит его будущей свободе: ибо из двух возможных решений отдается предпочтение более милостивому, а не более суровому. 6. Должник или кредитор, заковав заложенного раба, не может сделать его дедитицием, ибо один без другого не может ухудшить положение залога. 7. Раб, закованный по приказу сумасшедшего господина или подопечного, не может попасть в число дедитициев, ибо ни сумасшедший, ни подопечный не способны к здравому суждению. 8. Свободе (раба) вредит не только, если господин сам (его) заковал, но и если приказал заковать или если одобрил действия заковавшего (раба) прокуратора или актора. Если же он, до того как узнал, что раб закован, одобрил его освобождение, то будущей его свободе оковы не вредят. 9. Слепому нельзя дать куратора, так как он сам может назначить себе прокуратора.

XIII. Об освобождениях по фидеикомиссам. 1. Если наследник назначен с тем условием, чтобы он эманципировал своих детей, то его непременно следует принудить их эманципировать, ибо несомненно, что здесь эманципация вписана в качестве условия. 2. После смерти того, по чьему фидеикомиссу отказана свобода, следует принудить его наследников ее предоставить. 3. Если, умирая, он дал свободу своим рабам таким образом: «я хочу, чтобы такой-то и такой-то были свободны, и даю их в опекуны своим детям», то это препятствует освобождению по фидеикомиссу; ибо подопечные не могут отпускать рабов без посредства опекуна, а имеющим опекунов нельзя дать опекунов. Но временно подопечные могут считаться как бы отсутствующими, дабы, согласно декрету светлейшего сената³⁸, могла быть востребована сперва свобода, а затем опека.

XIV. К закону Фуфия—Каниния. 1. Согласно закону Фуфия, рабы по завещанию могут быть отпущены только поименно. Под поименным освобождением подразумевается собственно такой образец: «да будет Стих свободным». Если же написано: «я хочу, чтобы был свободным конюх» или «тот, кто родится от этой рабыни», то, согласно орфитианскому сенатусконсульту, свобода причитается так же, как если бы была дана поименно, если только нет нескольких, которые могут быть обозначены по такой (их) должности; тогда следует присовокупить имя, чтобы было ясно, кого имел в виду завещатель. 2. Когда данные по завещанию освобождения подтверждаются завещанием, они совпадают с теми, которые даны в табличках завещания, или предшествуют завещанию, или следуют за ним, будучи приписаны в конце, и в обоих случаях подтверждаются завещанием. 3. Когда следует в связи с законом Фуфия—Каниния установить число рабов, то следует учитывать и беглых, владение которыми всегда сохраняется духовно. 4. Законом Фуфия—Каниния предусмотрено, чтобы по завещанию отпускалось определенное количество рабов. Итак, закон, не учитывая их (рабов), предписывает, чтобы тот, кто имеет от трех до десяти (рабов), мог освободить половину, от десяти до тридцати — одну треть, от тридцати до ста — одну четвертую часть, от ста до пятисот — одну пятую часть. Из большего числа рабов не дозволено освобождать более ста.

³⁸ Дасумианский сенатусконсульт 100 г. до н. э. регулировал отпуск на свободу рабов по фидеикомиссам.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ ГРАКОВ

(1899—1970)

В ночь с 13 на 14 сентября 1970 г. ушел из жизни Борис Николаевич Граков, выдающийся ученый, человек широкой души и большого ума. Совсем недавно мы читали поздравления к 70-летию Бориса Николаевича, а теперь вынуждены говорить о нем в прошедшем времени.

Родился Б. Н. Граков 1(14) декабря 1899 г. в г. Онеге Архангельской губ. в семье лесничего. Вскоре семья переезжает в Москву, где Борис Николаевич заканчивает сначала гимназию (1918 г.), а затем историко-филологический факультет МГУ по отделению классической филологии (1922 г.). Проработав несколько лет в Государственном Историческом музее, Борис Николаевич после успешной защиты кандидатской диссертации «Древнегреческие клейма с именами астиномов» (1928 г.) был зачислен научным сотрудником секции археологии РАНИОН, а с 1921 г. — Института археологии АН СССР, где он проработал до 1953 г. (в последние годы как заведующий сектором скифо-сарматской археологии). Наряду с этим Борис Николаевич вел большую педагогическую работу: в предвоенные годы он преподавал греческий и латинский языки в ИФЛИ, а с 1941 г. и по 1969 г. (то есть почти до самой своей смерти) — он профессор кафедры археологии исторического факультета МГУ.

Жизнь и деятельность Б. Н. Гракова — пример того замечательного синтеза, о котором так часто говорят и который, к сожалению, столь редко достигается на практике, а именно, синтеза двух наук — науки о классической древности и археологии самого широкого профиля. Путь Бориса Николаевича — это путь ученого, который понял, насколько необходимы разработка и расширение круга источников по древней истории нашего Юга. Филолог-классик *κατ'ἐξοχήν*, Б. Н. Граков за всю свою жизнь не написал ни одной «чисто филологической» работы, и в то же время можно только удивляться, как мастерски использовал он в своих археологических исследованиях прекрасное знание древних авторов и лингвистики.

Это видно уже и по его кандидатской и, особенно, докторской диссертации «Клейменная керамическая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли» (1939 г.), где Борис Николаевич, исследовав малоразработанный к тому времени материал — древнегреческие керамические клейма, нарисовал стройную картину экономических связей античного Северного Причерноморья с греческим миром. Имя Б. Н. Гракова навсегда останется в истории керамической эпиграфики как имя одного из зачинателей, «отцов» этой науки — он первый в мире разработал строгую научную методику этой дисциплины, иными словами, оформил ее как науку. Последующие исследования в этой области подтвердили как правильность его блестящих атрибуций синопских и гераклеийских клейм, так и незыблемость его «семи методов» в разработке хронологии амфорных и черепичных клейм. Венцом творчества Б. Н. Гракова в этом направлении явилось завершение им начатого еще Е. М. Придином III тома IOSPE, в котором собрано свыше 30 000 керамических клейм из раскопок североантолийских поселений. Надо надеяться, что этот огромный труд, к сожалению, не вышедший в свет при жизни Бориса Николаевича, будет опубликован.

Свое прекрасное знание греческой филологии Б. Н. Граков проявил не только в ряде археологических эссе, но и в университетских курсах, особенно в курсе «Археологический комментарий к „скифскому рассказу“ Геродота». Здесь Б. Н. Граков пред-

ставил образец тонкого анализа IV книги труда Геродота в плане использования отцом истории «археологических реалий», сопоставив его сведения с материалами, добытыми современной археологической наукой.

Имя Б. Н. Гракова дорого и «Вестнику древней истории», на страницах которого была опубликована одна из лучших его работ — эпиграфический сборник «Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии» (ВДИ, 1939, № 3). Это не простая подборка надписей — каждый текст тщательно переведен и снабжен блестящим комментарием. Эта хрестоматия не потеряла своего значения и по сей день и, по существу, ничем пока не заменена.

Память о Борисе Николаевиче Гракове останется не только в сердцах его друзей и учеников, но и в сердцах всего большого племени антиковедов и археологов.

Ю. Г. Виноградов

Академик

НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ КОНРАД

(1891—1970)

От нас ушел крупнейший ученый, ученый с мировым именем, человек яркого таланта и огромных, поистине энциклопедических знаний.

Крупнейший ученый... Мировое имя... Энциклопедические знания... Все эти определения сами собою и в первую очередь приходят на ум, как только пытаешься представить себе творческий облик Николая Иосифовича Конрада. Но вместе с тем, они — эти определения — явно недостаточны. Они не исчерпывают облика ученого, деятеля, человека, более того — они, пожалуй, даже не схватывают, не выясняют то главное, что есть в этом обличье.

Главное заключается в том, что Николай Иосифович Конрад никогда не был цеховым, кабинетным ученым. Это говорится отнюдь не в обиду тем заслуженным и справедливо почитаемым деятелям науки, кого можно считать именно «цеховыми» учеными. Ибо это не вопрос квалификации или эрудиции, но темперамента. Николай Иосифович Конрад — широкий и свободный мыслитель, избравший полем своей деятельности определенную область научного исследования. Как же ее определить? Это — филология. Это — история. Это — история культуры. В общем, это — история духовного развития человечества.

Когда-то, на заре эллинской, а следовательно, и современной цивилизации учеными были поэты. Конечно, в наше время едва ли можно требовать, чтобы все ученые одновременно были и поэтами, но тем не менее не стоит забывать слова Эйнштейна о том, что «в научном мышлении всегда присутствует элемент поэзии». Надо думать, что такие слова были особенно близки Николаю Иосифовичу Конраду — он в высокой степени обладал этим не столь уже часто встречающимся ныне свойством и особенностью — воспринимать любое явление жизни и истории как ученый, поэт, мыслитель.

Науки, изучающие общественную деятельность человека, изучающие его духовное развитие, были в свое время названы гуманитарными. В дальнейшем это название, как то нередко случается, претерпело некую внутреннюю эволюцию, обросло дополнительным смысловым значением. Возник момент противопоставления гуманитарных наук, как наук «описательных» наукам «точным». Однако в наше время, когда все определеннее идет речь о применении математических методов и счетных машин в истории, лингвистике и в других областях гуманитарных знаний, подобные противопоставления теряют свой смысл. Но может и должно быть восстановлено первоначальное значение понятия. Вот почему, когда мы думаем или говорим о Николае Иосифовиче Конраде, то его правильнее называть не ученым-гуманитаром, но ученым-гуманистом.

С этим связан вопрос о мировоззрении. Николай Иосифович Конрад принадлежал к тому поколению, к той генерации русских ученых, которых Октябрьская революция застала в расцвете молодости и творческих сил. И он оказался с теми — это подтверждено всем его дальнейшим жизненным путем, — кто принял великую Революцию и принял то новое мировоззрение, которое эта Революция принесла с собой.

Историко-философская концепция Н. И. Конрада в ее общих чертах предельно ясна. Через все его исследовательские работы красной нитью проходит главная мысль — мысль о единстве мирового исторического процесса. Для него не существует плюралистических, замкнутых в себе историй отдельных цивилизаций, есть общая и в основе своей единая история человечества. Уже одно это откровенное положение свидетельствует о марксистском понимании исторического процесса.

Отсюда же стремление ученого и мыслителя к определению таких общеприродных явлений, которые не разделяют, но, наоборот, сближают, объединяют различные народы и страны, сближают «Восток» и «Запад». В этом плане чрезвычайно важна и плодотворна далеко еще не в должной мере оцененная, а иногда и вовсе непонятая идея Н. И. Конрада о возможности установления в науке понятия Ренессанса, как